

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО: ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340

Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов*

С. А. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Белов, Сергей А. 2022. «Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 293–308. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>

В современной правовой доктрине и практике судов к нормативным правовым актам предъявляются обязательные требования ясности (понятности) и определенности их содержания. Эти требования во многом касаются языка текстов данных актов, поскольку именно в текстуальном закреплении правовых норм большинство юристов видят гарантии доступности содержания для их непосредственных адресатов. На вопрос о том, как именно тексты нормативных правовых актов могут обеспечивать решение такой задачи, — вопрос, лежащий на стыке юриспруденции и лингвистики, — современная наука четкого ответа не дает. Правоведы ограничиваются изобретением приемов и способов толкования текстов, которые формулируются как догмы и универсальные принципы, но такое решение может способствовать извлечению содержания правовых норм, хотя далеко не всегда гарантирует определенность, а чаще всего не обеспечивает их понятность. В статье с учетом результатов совместных юридико-лингвистических исследований описываются правила, позволяющие обеспечить такие взаимосвязанные, но самостоятельные и независимые требования к правовым текстам, как понятность и определенность. Между указанными требованиями существует некоторая напряженность, которую, однако, не следует преувеличивать, поскольку эффективные средства обеспечения и того и другого не входят между собой в конфликт, а могут реализовываться одновременно. Для выполнения этих требований разработка любых нормативных актов должна сопровождаться описанием метанормативных параметров, в том числе обозначением адресатов нормативных предписаний каждо-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

го нормативного акта с оценкой их правокоммуникативной компетенции, а также тех признаков явлений, условий и обстоятельств, которые имеют значение для обозначения содержания правовой нормы и ее применения.

Ключевые слова: правовая определенность, понятность официальных документов, нормативный правовой акт, нормотворчество, правовая коммуникация, язык юридических документов, понятность юридического языка, трудности понимания документов.

1. Введение

Правовые нормы ориентированы на оценку поведения людей, определяя границы запрещенного, дозволенного либо предписанного и предусматривая меры наказания и ответственности за несоблюдение этих границ. При этом для права характерно небезразличие к тому, насколько осознанно действует человек. Придание правовых последствий конкретным поступкам обычно увязывается с тем, как человек сам оценивает свое поведение — понимает ли, что нарушает правовые предписания, либо остается в убеждении, что его поведение согласовано с нормами права; осознает ли, к каким последствиям приведут его действия для него самого и для других. Право предполагает свободу человека следовать предписаниям правовых норм при наличии фактической возможности их нарушить и при осознанном следовании им.

Из названных особенностей права следует, что каждому адресату правовых норм их содержание должно быть доступно. Помимо гарантий возможности ознакомления с текстами правовых актов, такую доступность обеспечивают ясность (понятность) и определенность (недвусмысленность) правовых текстов, описывающих юридические нормы.

Изложение нормы должно четко давать понять, что именно норма запрещает, предписывает или дозволяет. Только тогда каждый будет осознавать границы дозволенного и понимать правовые последствия своих поступков, и в этом будут гарантии защиты от произвольного и непредсказуемого наказания за правонарушения. В противном случае, как емко сформулировал в 2014 г. Арбитражный суд Карачаево-Черкесии, «рядовые граждане, не имея специального образования, становятся легко уязвимыми и беззащитными при вступлении в правоотношения, регламентированные нормативными актами с неясными формулировками»¹. Не менее важно, чтобы правовые нормы были доступны для понимания теми, кому адресованы их требования, — без этого обеспечить сознательное исполнение данных требований невозможно. Понятность как доступность содержания должна рассматриваться как одно из правовых требований к правовым нормам (Белов, Тарасова 2019).

Стремясь к максимальной определенности и вместе с тем к максимальной доступности и понятности предписаний, право, по сравнению с другими нормативными системами, придает гипертрофированное значение текстуальному закреплению норм.

¹ Решение Арбитражного суда Карачаево-Черкесской Республики от 01.08.2014 по делу № А25-591/2014. Дата обращения 1 февраля, 2022. <https://kad.arbitr.ru>.

Однако при этом правоведа, создавая тексты юридических документов, в том числе правовых актов, двигаются «на ощупь», исходя из собственных представлений о том, как именно задачи определенности и понятности могут быть реализованы. Не имея глубоких представлений ни о том, какими языковыми средствами может обеспечиваться определенность (недвусмысленность), ни о том, как добиться доступности (понятности) текста правового документа, юристы спорят о его надлежащей языковой форме (Белянская 2018).

В рамках настоящей статьи предпринята попытка не только сформулировать различия между требованиями *понятности* и *определенности* текстов нормативных правовых актов, но и раскрыть содержание этих требований, опираясь на их правовое наполнение, а также описать механизмы реализации в текстах правовых актов — в языке этих документов. Предмет изложения, таким образом, лежит одновременно и в области права (поскольку речь идет о *правовых* требованиях, обоснованных в правовых нормах и принципах), и в области языкознания (поскольку реализация этих требований невозможна без анализа лингвистических представлений о том, что делает текст понятным и определенным).

Источники правовых норм (т. е. тексты, из содержания которых извлекаются правовые нормы) оказываются разнообразнее, чем только нормативные правовые акты: в качестве таковых могут выступать и судебные акты, и нормативные договоры, и даже, при определенных обстоятельствах, труды ученых-юристов. Однако в любом случае о содержании правовых норм судят по текстам, в которых, принимая разную форму изложения, находят свое выражение такие нормы. В контексте настоящего исследования основным объектом внимания будут тексты нормативных правовых актов.

2. Основное исследование

2.1. Обеспечение понятности и определенности нормативных актов

Юристы видят в правовых текстах источник представлений о содержании правовых норм (Поляков 2001, 649–650; Грязин 1983, 27–38), уповая на то, что изложение правовой нормы в письменном тексте гарантирует надежную опору в разрешении споров и конфликтов относительно содержания нормы — с помощью уяснения (понимания) и толкования соответствующего текста. «Обращение к закону» чаще всего означает для юристов «обращение к тексту закона»; с изучения текста начинается процесс любого применения правовой нормы. Все приемы и методы толкования, которые выработаны юридической догматикой (сопоставление норм из разных правовых актов, оценка целей правового регулирования, истории и причин появления нормы), вторичны по отношению к возможности выявления содержания норм через обращение к тексту правовых актов: изучение и анализ текстуального закрепления норм рассматривается как первичный (Черданцев 2003, 134).

В отличие, например, от норм морали, правовые нормы предполагаются более явно и определенно сформулированными в качестве правил поведения — предписаний, запретов или дозволений. Текстуальное закрепление позволяет до определенной степени объективизировать норму, определить ее содержание и условия

применения, создать предсказуемость того, какое поведение будет соответствовать этой норме, а какое — нет.

В то же время текстуальное закрепление предполагает доступность знания о содержании правовых норм — для этого нужно обеспечить возможность ознакомления с текстом и изложить его так, чтобы он был понятен большинству адресатов нормы. Следование юридическим нормам должно быть осознанным, кроме того, за каждым человеком признается право знать, какие права ему предоставлены, какие обязанности на него возложены и какая ответственность ему угрожает в случае несоблюдения правовых норм. Хотя незнание закона не извиняет его неисполнения, для права логично и естественно проявлять заботу о том, чтобы любой адресат правовой нормы знал о ее содержании.

Конституционный Суд РФ выводит общеправовое требование определенности правовой нормы из конституционного принципа равенства перед законом и судом². Правовые запреты, предписания и дозволения должны восприниматься максимально однозначно любым, кто ознакомится с текстом нормативного акта, — в этом состоит гарантия того, что в делах со сходными обстоятельствами и в одинаковых условиях правовые нормы будут истолковываться и применяться одинаково.

Зарубежные органы конституционного контроля, например Конституционный совет Франции, также пишут о «принципе ясности закона» и «конституционной ценности понятности закона», выдвигая законодателю требования утверждать законы с точными выражениями и однозначными формулировками, чтобы защитить субъектов права от толкования, противоречащего Конституции, и от риска произвола³.

Европейский суд по правам человека из ряда положений Европейской конвенции о защите прав человека вывел требование о том, что законодательные нормы должны быть «сформулированы с достаточной четкостью» и должны позволять лицу «предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия»⁴.

В этих решениях фигурирует требование *доступности содержания* правовой нормы — и как *понятности*, и как *определенности*. Понятность во многом сводят именно к тому значению, которое сходно с определенностью (возможность уяснить содержание, понять смысл ввиду его однозначного выражения). Например, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.09.2014 № 24-П усмотрел требование понятности в том, что «субъектам соответствующих правоотношений» из содержания конкретных нормативных положений или системы таких положений «должен быть понятен механизм действия закона», что обеспечит «необходимую степень определенности правового регулирования».

Конституционный совет Франции в решении от 12.01.2002 № 2001-455 DC указал, что цель конституционной ценности понятности закона обеспечивается при-

² См., напр., Постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П и от 27.05.2003 № 9-П. Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 февраля, 2022. <http://www.consultant.ru>.

³ Решение Конституционного совета Франции от 12.01.2002 № 2001-455 DC. Здесь и далее ссылки на решения Конституционного совета Франции даются по conseil-constitutionnel.fr. Дата обращения 1 февраля, 2022. <https://www.conseil-constitutionnel.fr>.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 № 6538/74, от 11.12.2014 № 28859/11 и № 28473/12. Дата обращения 1 февраля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int>.

нятием достаточно точных положений и однозначных формул; признавая в решении от 29.12.2005 № 2005-530 DC неконституционной статью фискального закона ввиду ее объема, громоздкости и большого количества ссылок, в том числе перекрестных, Совет усмотрел в тексте сложность и трудность для восприятия, отмечая одновременно отсутствие ясности и понятности⁵. Сходные выводы делал Конституционный совет и в других решениях⁶.

Аналогичным образом под понятностью подразумевают точность, ясность и недвусмысленность положений закона и другие суды, например конституционные суды Чехии⁷ и Австрии⁸.

Между тем, если обратиться к проблемам восприятия текстов (а стало быть, и восприятия текстуального закрепления правовых норм), то становится очевидной необходимость различать *понятность* (как удобочитаемость, доступность для восприятия, возможность уяснить смысл) и *определенность* (как однозначность и недвусмысленность).

Требования определенности и понятности не только не замещают друг друга, но и, напротив, зачастую противоречат друг другу. Например, определенность требует строгого терминологического словоупотребления, которое делает текст доступным только для носителей профессионального знания; точность формулировок в некоторых случаях достигается лишь тяжеловесными синтаксическими конструкциями с множеством оговорок и подробными логическими связками, которые затрудняют восприятие. Выстраивание баланса между определенностью и понятностью требует учета самых разнообразных факторов — от закономерностей понимания текста до способов устранения двусмысленностей и неоднозначности.

2.2. Трудности обеспечения понятности языка нормативных актов

Доступность содержания любого текста (прежде всего понятность, но также и определенность) для конкретного человека связана не только с его владением общеупотребительным (литературным) языком, но и с наличием ряда специальных — языковых и экстралингвистических — компетенций. Следовательно, добиться абстрактной доступности текста для восприятия невозможно: она оценивается лишь применительно к адресату. Оценить понятность текста, адресованного неизвестно кому, неопределенному кругу лиц, *urbi et orbi*, практически невозможно, а именно так чаще всего и составляются тексты нормативных правовых актов.

Отношение юристов к языку как к инструменту изложения правового содержания отличается от представлений и языковедов, и других носителей гуманитарного знания: юристам язык кажется податливым и гибким инструментом, предоставляя возможности для его использования в соответствии с тем, как этого хочет автор юридического текста. В этом отношении юристы обычно уподобляются знамени-

⁵ На сложности соотношения определенности и понятности уже обращали внимание французские эксперты (Flückiger 2007).

⁶ См., напр.: Решение Конституционного совета Франции от 17.11.2016 № 2016-739 DC.

⁷ Постановление Конституционного суда Чехии от 22.10.2013 (N Pl. ÚS 19/13).

⁸ Постановление Конституционного суда Австрии от 14.03.1997 (N G 392, 398, 399/96. Österreichisches Recht der Wirtschaft. 1997. S. 245).

тому персонажу сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» — Шалтаю-Болтаю, который «презрительно» говорил: «Когда я употребляю слово, оно означает то, что я выбрал его значением, не больше и не меньше» (“When I use a word, Humpty Dumpty said, in rather a scornful tone, ‘it means just what I choose it to mean — neither more nor less”)⁹.

В этом отношении юристы обычно забывают или игнорируют то, что любой текст опосредует коммуникацию между как минимум двумя субъектами, а следовательно, необходимо учитывать способность коммуникативного адресата воспринимать передаваемое сообщение. Эффективная коммуникация становится результатом усилий обеих ее сторон. Язык эффективно опосредует передачу информации, только если определен коммуникативный адресат и учитывается его способность воспринимать информацию.

Восприятие права как коммуникации не чуждо современной правовой теории, более того, существует известная и влиятельная «коммуникативная теория» права. Однако представления о правовой коммуникации оказываются довольно странными. Например, один из основоположников этой теории Марк ван Хук (Mark van Hoecke) не только характеризует коммуникацию между законодателем и теми, кому адресованы законодательные предписания, как *одностороннюю* (Хук 2012, 176), но и настаивает на том, что с помощью юридических определений можно сформировать новое специфическое значение любого слова из общеупотребительной лексики, при этом «риска спутать правовую терминологию и обыденную лексику не существует» (Хук 2012, 178). Иными словами, в представлении Хука, законодатель может, подобно Шалтаю-Болтаю, взять любое слово из общеупотребительного языка и выбрать, что оно будет означать в юридическом тексте.

Подобный подход создает очевидные риски сбоя в коммуникации. Читая текст, любой человек предполагает привычное для него значение знакомых слов. При этом сложно рассчитывать, что правовой документ будет изучаться только целиком и только в контексте всего массива действующего законодательства, в котором где-то может обнаружиться норма — непосредственно дефинитивная либо косвенно определяющая специальное терминологическое значение слова, расходящееся с его общеупотребительным значением. Например, юристы привыкли к особому терминологическому значению слова «собственность» (в строгом смысле положения ст. 209 части первой Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ГК РФ)), определяющие триаду правомочий собственника, — не дефиниция, однако они придают специальное значение этому термину, отличая его от обычного употребления) или к словосочетанию «должностное лицо» (сходным образом, но в некоторых нюансах по-разному раскрываемому в уголовном и административном законодательстве).

Современные представления о механизмах понимания текста опираются на идеи «встречного текста» или «контртекста» (Жинкин 1982; Новиков 2007), — того содержания передаваемого сообщения, которое формирует в своем сознании адресат текста. Читатель становится сотворцом любого текста — это более очевидно для текстов художественной литературы (Эко 2016), но справедливо и по отноше-

⁹ Кроме того, юристы обвиняют друг друга в уподоблении Шалтаю-Болтаю: например, в судебной практике США и Великобритании много дел, в которых судьи ссылаются на диалог Алисы с ним (Bomhoff 2006).

нию к нехудожественным текстам (Новиков 2003). При восприятии содержания текста значительную роль играют пресуппозиции, способность к расшифровке имплицатур, фоновые знания о референтах смысловых элементов текста (если этими референтами выступают конкретные социальные ситуации, то требуемая компетенция предполагает социальный опыт знакомства с такими ситуациями) — в общем, «обратная проекция сознания на текст» (Новиков 2003, 65). Иными словами, никакой текст не может быть прочитан однозначно (Кирсанова 2007) — из разных вариантов прочтения предполагать конкретный вариант можно только с учетом особенностей того, кто читает и интерпретирует текст.

В этом отношении подходы юристов к конструированию правовых текстов как средств правовой коммуникации должны быть пересмотрены.

Следует определять адресат текстов нормативных правовых актов настолько точно, насколько возможно. В юридической теории этому не уделяется слишком большого внимания, в результате чего общепринятого правового принципа в этом отношении не сформулировано.

Современные принципы демократического государства, в том числе право каждого на доступную и достоверную информацию о его правах и обязанностях, сегодня рассматривают как категорически неприемлемые практики некоторых государств прошлого, в которых языком законов становился язык, понятный лишь узкому кругу, — либо профессиональный язык (например, латынь в средневековой Европе), либо язык социальной элиты, либо язык доминиона в колонии. Стремление к точности и недвусмысленности для научных целей приводило к созданию искусственных языков, подобных языку формул в математике, физике или химии, однако такой путь не выглядит приемлемым для права — по той же причине, по которой язык права не может стать сугубо профессиональным языком. Право на получение информации правового характера требует использования естественного, общеупотребительного литературного языка, понятного большинству граждан.

В юридической литературе высказывалось скептическое мнение относительно выбора граждан в качестве адресата правовых текстов. «Люди, подчиняющиеся законам — граждане, — не являются их фактическими адресатами. Среднестатистический гражданин никогда не читает законы и не имеет четкого представления об их содержании; подавляющее большинство никогда не прочтает даже одной главы отдельного закона», — писал 10 лет назад А. Н. Шепелев (Шепелев 2012, 74). Сложно не согласиться с подобной констатацией фактического положения дел, однако в корне неверно исходить из этого в качестве принципа выстраивания правовой коммуникации. У граждан нет не только привычки непосредственно изучать тексты нормативных актов, но и уверенности в собственной способности понять тексты правовых актов. Получается замкнутый круг: тексты пишутся с расчетом на то, что граждане их все равно не будут читать, а граждане, даже предприняв попытку самостоятельно понять текст закона, быстро придут к уверенности, что это невозможно.

Между тем посредничество СМИ, экспертов или других лиц между законодателем и гражданами — теми, кто в конечном счете должен своими действиями исполнять правовые предписания, — может не только исказить содержание правовых норм, но и укрепить уверенность в том, что самостоятельно разобраться в содер-

жании закона невозможно. Получается, что расчет на текст как на надежное основание разрешения любых споров относительно содержания правовых норм теряет все основания, поскольку пересказы и изложения (не свободные от интерпретации передаваемого содержания) заслоняют собой непосредственное изложение норм законодателем для непосредственного исполнителя правовых предписаний.

С точки зрения доступности содержания наиболее эффективен был бы подход, при котором для каждого принимаемого нормативного правового акта определялся бы его адресат. Ряд нормативных актов регулируют отношения с участием исключительно лиц, имеющих профессиональную квалификацию (часто даже формально необходимую для осуществления профессиональной деятельности), в других случаях адресатами выступают граждане, как правило, в конкретной социальной роли (налогоплательщиков, владельцев недвижимости или транспортных средств, родителей и т. д.). Такая социальная роль может предполагать хотя и не профессиональную подготовку, однако определенную квалификацию (например, при получении права на управление транспортным средством предполагается изучение правил дорожного движения и других нормативных актов, определяющих права и обязанности водителей).

Сегодня массив нормативных правовых актов структурируется по типам регулируемых отношений, а не по адресатам, однако круг потенциальных участников регулируемых отношений может быть сформулирован для каждого нормативного акта. Чем шире этот круг и чем меньше квалификации требуется для вступления в эти отношения, тем более общими, неспециальными языковыми компетенциями следует наделять их участников.

Чем шире круг адресатов и чем больше в этом кругу лиц, не имеющих специальной квалификации, тем ближе текст нормативного акта должен быть к общепотребительному, кодифицированному языку, который в отечественном языкознании обычно обозначают как «литературный язык» (Ярцева 1990, 270) и освоение которого можно предполагать в качестве результата основного общего образования.

В лингвистической теории условием успеха речевой коммуникации выступает кооперация ее участников, правила (принципы, максимы) которой сформулированы Г. П. Грайсом (Грайс 1985). Однако эти правила лишь ограниченно применимы к правовой коммуникации (Green 1989; Grabe, Kaplan 1996), прежде всего из-за преобладания в ней письменной формы. Письменный текст не предполагает возможности учесть реакцию собеседника, увидеть его трудности понимания, подстроиться под него, переспросить, уточнить и конкретизировать. Кроме того, что еще более важно, письменный документ, особенно нормативный (который рассчитан на неопределенный круг лиц и на неоднократное применение) внеконтекстуален — как с точки зрения его адресата (именно поэтому компетенции адресата можно описывать только обобщенными характеристиками), так и с точки зрения ситуаций, выступающих предметом коммуникации.

Понимание письменного текста неотделимо от его интерпретации (а зачастую и просто подменяется интерпретацией, с помощью которой адресат соучаствует в формировании содержания документа), причем в случае с толкованием письменного нормативного акта — в отношении конкретной ситуации (именно эту особенность юридического толкования теоретик философской герменевтики Х.-Г. Гадамер считал особенно ценной) (Гадамер 1988, 382–386).

В то же время письменный текст в определенных пределах начинает «жить своей жизнью», становится «объективным» явлением социальной реальности (Мамаев 2020), выступая предметом истолкования (Ващенко 2012) с учетом не только намерений его автора, но также предшествующей и последующей законодательной и правоприменительной практики наряду с другими условиями формирования содержания письменного документа.

2.3. Трудности обеспечения определенности языка нормативных актов

Если правовая теория пока не сформулировала категорических требований понятности нормативных актов, то требование правовой определенности уже давно числится в ряду общепризнанных правовых принципов, хотя его содержание достаточно широко по объему (Пресняков 2014; Рукавишникова (Плашевская) 2014; Сырых, Власенко 2018; Воробьев, Полищук 2019; Должиков 2009). Многие юристы видят проблему неопределенности правовых норм в их языковом изложении (Батышкина 2021; Белоконь 2012; Рыбаков, Рыбакова 2020; Родионова 2015).

Лингвистический подход к этому вопросу предполагает, во-первых, различие неоднозначности и неопределенности, во-вторых, принятие того, что проявления *неоднозначности* и *неопределенности* в языке разнообразны, а главное (это касается прежде всего неопределенности), неизбежны для любого живого естественного языка (Блинова, Белов 2021).

Различие между неопределенностью и неоднозначностью относится к области интерпретации: в случае с неоднозначностью возможен выбор между взаимосоключающими альтернативными прочтениями неоднозначного контекста; в случае с неопределенностью контекст можно уточнить, при этом неопределенность не будет снята полностью (Блинова, Белов 2021). Неоднозначность (*ambiguity*) бывает лексической (частным случаем такой неоднозначности является лексическая омонимия), синтаксической (например, когда в структуре предложения не очевидно, как связаны между собой разные члены предложения) и референциальной (когда из текста неясно, к какому референту отсылает языковое выражение).

Наиболее сложна для преодоления языковая неопределенность (*vagueness*) — свойство языковых единиц (прежде всего лексических), которые не содержат достаточной информации для точного установления их содержания, например несут оценочный или иной неконкретный характер. В рамках неюридической коммуникации такой недостаток конкретности не представляет никакой проблемы, поскольку в одних коммуникативных ситуациях он вообще не имеет значения, в других — может быть восполнен необходимыми уточнениями.

К языковой неопределенности можно отнести: а) неопределенность в узком смысле, например наблюдаемую при употреблении градуируемых прилагательных ('высокий'); б) нечеткость разного типа, в том числе проявляющуюся при употреблении так называемых хеджей ('явно', 'очевидно', 'относительно'), модификаторов степени проявления признака ('крайне'), некоторых кванторов ('незначительное количество', 'как правило'), нечетких обозначений времени ('незамедлительно'), референциально нечетких выражений ('дневное время', 'область головы и шеи'), названий классов объектов ('транспортные средства', 'уважительные причины'),

существительных, обозначающих группы объектов ('толпа'), прилагательных типа 'многолетний'; в) недостаточность конкретизации, например, при отсутствии конкретной семантической информации (ср. существительные 'заявитель', 'опекун', не уточняющие пол, возраст и т. д.) (Блинова, Белов 2020)¹⁰. Последняя ситуация в максимально обезличенных контекстах правовых документов (где любая информация, не относящаяся к конкретной роли в регулируемом правоотношении, считается лишней) наиболее естественна и часто вовсе не требует преодоления.

В обычной языковой практике неопределенность языковых выражений может частично сниматься контекстом или через обращение к знаниям о мире; для преодоления неопределенности в юридических текстах чаще путем неоднократного применения нормы к конкретным ситуациям формируется поле значений конкретного языкового выражения. И если центр семантического поля относится к бесспорным случаям, то его границы остаются размытыми, поскольку в пограничных ситуациях языковые выражения в составе нормативного акта могут получать разное истолкование в зависимости от разных обстоятельств. Один из главных теоретиков права XX столетия — Г. Л. А. Харт — называл это «открытой текстурой» права, считал неизбежным свойством правовых норм и оставлял преодоление подобной неопределенности на усмотрение судей (Харт 2007, 128 и сл.).

Усмотрение лиц, принимающих решение о применении правовых норм, выступает способом преодоления неопределенности текстуальных формулировок этих норм, однако такая двухсоставная структура нормы (текст + усмотрение правоприменителя) не дает требуемой недвусмысленности содержания правового предписания — предсказуемости правовой оценки конкретной ситуации, поступка или события. Именно усмотрения стремятся избежать те, кто видит в текстуальном закреплении надежную опору в определении содержания нормы. Усмотрение, связанное с необходимостью учета и оценки всех обстоятельств применения нормы, полностью исключить невозможно (иначе применение правовых норм могло бы делать электронный алгоритм), однако можно предотвратить произвольность усмотрения, устанавливая дополнительные условия применения нормы — перечисляя обстоятельства, которые должны быть приняты во внимание, и даже определяя «вес», значение каждого из таких обстоятельств. Правда, такое развернутое дополнение и уточнение каждого положения приводит к утяжелению текста и снижению легкости и доступности его восприятия.

Ряд отличительных свойств правовых норм служит источником их имманентной неопределенности.

Несмотря на то что многие правовые нормы содержат вполне ясные правила поведения — предписания, или запреты, или дозволения, — не все нормы выглядят именно так. Правовые нормы могут содержать абстрактные предписания в виде следующих принципов: 1) не требующих определенного поведения, а лишь описывающих, да и то в самом общем виде, результат либо характер поведения (например, среди общих положений ГК РФ (ст. 1) есть требование: «участники гражд-

¹⁰ Приведенная классификация не может рассматриваться как исчерпывающая в отношении всех ситуаций языковой неопределенности. В частности, описание и характеристика таких выражений, как «исключительные случаи» или «по мере необходимости», которые суды оценивают как неопределенные, признавая содержащие их нормативные акты недействующими, требует дополнительного исследования.

данских правоотношений должны действовать добросовестно»); 2) описывающих защищаемую правом ценность или интерес (среди общих положений части первой Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ — норма «Налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев»). Абстрактность подобных норм сама по себе предполагает широту и разнообразие возможных ситуаций их применения, описать круг которых, исходя из языковых формулировок этих норм, затруднительно, поскольку они содержат лишь общее указание на правила рассуждения при анализе конкретной ситуации (например, в каких случаях установление налога будет дискриминационным по «социальным критериям»).

Для подобных норм как юридических терминов практика их применения выработала определенные правила общего толкования. Так, термин «систематический» в ст. 2 ГК РФ («предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли») обычно трактуется как осуществление конкретных действий (например, предоставление имущества в аренду) многократно, в отношении нескольких объектов и постоянно. Однако это профессиональное толкование совершенно не очевидно для любого, кто не имеет специальной подготовки, основанной на изучении многочисленных случаев практического истолкования данной нормы в конкретных ситуациях.

Еще одной особенностью юридической терминологии можно считать существование совершенно особенных референтов, в принципе не существующих за пределами юридической реальности; к таковым можно отнести очень многие правовые понятия — от «юридического лица» до «кассационной жалобы». Такие понятия не могут быть знакомы непрофессионалу из его неюридического социального опыта, а потому требуют не только четкого обозначения референта, но и описания самого референта.

2.4. Понятность и определенность: баланс и механизмы реализации

Как уже упоминалось выше, усиление определенности правового текста (особенно с помощью уточнения деталей, внедрения в текст оговорок, терминологизации лексики, т. е. использования слов в особом, четко оговоренном специальном юридическом значении) часто влечет снижение его понятности. В этом отношении между стремлением к понятности (если ее обозначать как доступность текста для восприятия) и стремлением к определенности возникает противоречие.

Можно было бы предположить, что такое противоречие создает сложности в поиске баланса между понятностью и определенностью при создании текстов правовых документов, однако внимательное изучение показывает, что это противоречие не следует преувеличивать. Выполнение некоторых требований к формулировкам правовых норм позволяет добиваться и понятности, и определенности одновременно, без приоритета одного перед другим и без ущерба для одного либо для другого.

На определенности содержания не сказываются, но обеспечивают *понятность* нормативных актов: 1) четкое определение *адресата* любой правовой нор-

мы; 2) стремление к обеспечению понятности текста нормативного акта исходя из языковых и экстралингвистических (*правокоммуникативных*) компетенций предполагаемого адресата.

Правокоммуникативная компетенция адресатов правовых норм включает, помимо прочего, соответствие нормы социальному контексту ее действия, в том числе экономическим условиям применения, социальному опыту ее адресатов, их представлениям о справедливости, которые в целом должны обеспечивать *социальную естественность* правовой нормы и, как следствие, *интуитивную понятность* адресатам.

Определенность правовой нормы обеспечивается четким обозначением значимых и незначимых *признаков явлений, условий и обстоятельств* действия этой нормы, в том числе критериев и целей применения признаков ситуаций, регулируемых этой нормой (гипотезы), а также условий ее применения и содержания (диспозиции). В случае если речь идет об оценочных категориях, предполагающих усмотрение правоприменителей при толковании норм (в том числе таких речевых оборотов, которые в судебной практике служат основанием для признания нормативных актов недействующими вследствие их неопределенности (Белов 2016) — «по мере необходимости» и «как правило», «уважительные причины», «существенный» и «незначительный», «в исключительных случаях»), должны быть обозначены критерии оценки (усмотрения): например, по каким признакам причины следует считать уважительными и пр.

В обоих блоках (обеспечение понятности и обеспечение определенности) часть требований относится не столько к итоговым формулировкам, финальному результату конструирования правового текста, сколько к предварительному обозначению целей и содержания правового регулирования. Эти вопросы методологии разработки текстов нормативных правовых актов, требующие обозначения, *inter alia*, адресатов правовых норм (и их правокоммуникативных компетенций), тех признаков явлений, условий и обстоятельств, которые имеют значение для обозначения содержания правовой нормы и ее применения, следует обозначать как *метанормативные параметры* нормативных правовых актов. В нормотворческом процессе требования к методологии подготовки проектов должны быть сформулированы в регламентах, определяющих механизм разработки, обсуждения и согласования, а также утверждения нормативных правовых актов.

Метанормативные параметры должны артикулироваться и излагаться в пояснительных записках к проектам нормативных актов, они могут быть предметом экспертного обсуждения как сами по себе (обоснованность, полнота, точность и пр.), так и с точки зрения того, насколько содержание текста нормативного акта им соответствует.

3. Выводы

Понятность и определенность содержания нормативных правовых актов нужно рассматривать как правовые требования, реализация которых обеспечивается в текстах этих актов. Между требованиями понятности и определенности существует некоторая напряженность, однако ее не следует преувеличивать, поскольку эффективные средства обеспечения того и другого не входят между собой в конфликт,

а могут реализовываться одновременно. Для выполнения указанных требований разработка любых нормативных актов должна сопровождаться описанием их метанормативных параметров, в том числе обозначением адресатов нормативных предписаний каждого нормативного акта с оценкой их правокоммуникативной компетенции, а также тех признаков явлений, условий и обстоятельств, которые имеют значение для изложения содержания правовой нормы и для ее применения.

Библиография

- Батюшкина, Марина В. 2021. «Юридикологическая неопределенность терминов и норм российских законов». *Русистика* 19 (2): 138–154. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>.
- Белов, Сергей А. 2016. «Признание правовых актов недействующими вследствие неопределенности их положений». *Мониторинг правоприменения. Санкт-Петербургский государственный университет*. Дата обращения 14 февраля, 2022. <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawitachesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/148-priznanie-normativnyh-aktov-nedejstvuyuwimi-vsledstvie-neopredelennosti-ih-polozhenij.html>.
- Белов, Сергей А., Кристина В. Тарасова. 2019. «Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция?» *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 10 (4): 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>.
- Белокозь, Наталья В. 2012. «Юридикологическая неопределенность: содержание понятия». *Вестник Воронежского государственного университета* 1: 46–54.
- Белянская, Ольга В. 2018. «Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники». *Актуальные проблемы государства и права* 2 (7): 23–34. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34>.
- Блинова, Ольга В., Сергей А. Белов. 2020. «Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 11 (4): 774–812. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401>.
- Ващенко, Юрий С. 2012. «Герменевтическая традиция в праве и понимание юридического текста». *Государство и право* 1: 5–13.
- Воробьев, Сергей М., Николай И. Полищук 2019. «Теоретико-правовой анализ метаюридического принципа правовой определенности». *Теория государства и права* 2 (14): 83–89.
- Гадамер, Ханс-Георг. 1988. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. Пер. с нем. М.: Прогресс.
- Грайс, Герберт П. 1985. «Логика и речевое общение». *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика XVI*: 217–237. М.: Прогресс.
- Грязин, Игорь Н. 1983. *Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий*. Таллин: Ээсти раамат.
- Должиков, Алексей В. 2009. «Принцип определенности как фактор предотвращения коррупциогенных правовых норм». *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы* 3: 56–58.
- Жинкин, Николай И. 1982. *Речь как проводник информации*. М.: Наука.
- Кирсанова, Инна В. 2007. «Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания». Дис. ... канд. филол. наук, Башкирский государственный университет.
- Мамаев, Николай Ю. 2020. «Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы». *Теория и практика судебной экспертизы* 15 (4): 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>.
- Новиков, Анатолий И. 2003. «Текст и “контртекст”: две стороны процесса понимания». *Вопросы психолингвистики* 1: 64–76.
- Новиков, Анатолий И. 2007. *Текст и его смысловые доминанты*. М.: Институт языкознания РАН.
- Поляков, Андрей В. 2001. *Общая теория права*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Пресняков, Михаил В. 2014. «Правовая определенность: формальный и материальный аспекты». *Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право* 14 (4): 669–670.
- Родионова, Ольга Н. 2015. «Юридикологическая неопределенность юридико-лингвистической неопределенности». *Российский юридический журнал* 4 (103): 151–154.

- Рукавишников (Плашевская), Анастасия А. 2014. «Генезис категории “правовая определенность” в современной юридической науке». *Вестник Томского государственного университета. Право* 3 (13): 78–79.
- Рыбаков, Олег Ю., Ольга С. Рыбакова. 2020. «Языковые парадигмы преодоления неопределенности правовой нормы». *Вопросы права государственного языка и языка права*. Отв. ред. Ольга Н. Кианова, 50–56. М.; Берлин: Директ-Медиа.
- Сырых, Владимир М., Валерий Н. Власенко, ред. 2018. *Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.* В 3 ч. М.: Российский государственный университет правосудия.
- Харт, Герберт Л. А. 2007. *Понятие права*. Пер. с англ. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Хук, Марк ван. 2012. *Право как коммуникация*. Пер. с англ. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Университетский издательский консорциум.
- Черданцев, Александр Ф. 2003. *Толкование права и договора*. М.: Юнити-Дана.
- Шепелев, Артур Н. 2012. «Кому предназначены письменные формулировки закона?» *Известия вузов. Правоведение* 3: 74–81.
- Эко, Умберто. 2016. *Роль читателя: Исследования по семиотике текста*. Пер. Сергей Серебряный. М.: АСТ, Corpus.
- Ярцева, Виктория Н., ред. 1990. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Bomhoff, Jacco. 2006. “Humpty Dumpty and the Law”. *Comparative Law Blog*. Дата обращения 10 февраля, 2022. <http://comparativelawblog.blogspot.com/2006/12/humpty-dumpty-and-law.html>.
- Flückiger, Alexandre. 2007. “Le principe de clarté de la loi ou l’ambiguïté d’un idéal”. *Cahiers Du Conseil Constitutionnel No. 21 Dossier: La Normativité*. Дата обращения 14 февраля, 2022. <https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-principe-de-clarte-de-la-loi-ou-l-ambiguite-d-un-ideal>.
- Grabe, William, Robert B. Kaplan. 1996. *Theory and practice of writing*. London: Longman.
- Green, Georgia M. 1989. *Pragmatics and natural language understanding*. New Jersey: Lawrence Erlbaum.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Белов Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доц.; s.a.belov@spbu.ru

The role of language in providing intelligibility and certainty of normative legal acts*

S. A. Belov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Belov, Sergei A. 2022. “The role of language in providing intelligibility and certainty of normative legal acts”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 293–308.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201> (In Russian)

Clarity (intelligibility) and certainty of content are required from normative legal acts in the contemporary legal doctrine and in judicial practice (especially in the practice of constitutional courts). These requirements primarily concern language of texts of normative legal acts, as most lawyers find guarantees of accessibility for understanding by most of addressees

* The reported study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00525 “Understandability of the official Russian: Legal and linguistic issues”.

in the textual fixation of legal norms. The question of how texts of normative legal acts can provide this — the question lying on the border between law and linguistic — is not answered today. Lawyers focus on ways and means of interpretation of texts, and these ways and means are treated as universal principles and dogma, but this is a solution for extraction of legal norm that often does not guarantee certainty and usually does not provide intelligibility. This article demonstrates rules of making normative acts which can provide intelligibility and certainty as interconnected but autonomous and independent requirements to legal texts basing on joint legal-linguistic researches of intelligibility and certainty of legal texts. There is a tension between requirements of intelligibility and certainty, though it should not be exaggerated, as the effective measures providing these two do not conflict and could be realized together. Fulfilling these requirements working out all normative acts should be accompanied with description of their meta-normative parameters, inter alia — description of addressees of normative prescriptions of norms of these acts as well as signs of occurrences, conditions and circumstances significant for the content of legal norms and its applying.

Keywords: legal certainty, intelligibility of official documents, normative acts, making legal documents, legal communication, language of legal documents, intelligibility of legal language, difficulties of understanding of documents.

References

- Batiushkina, Marina V. 2021. "Legal-linguistic uncertainty of terms and norms in Russian laws". *Rusistika* 19 (2): 138–154. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>. (In Russian)
- Belov, Sergei A. 2016. "Declaring of legal acts null and void because of uncertainty of their provisions". *Monitoring pravoprimereniia. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet*. Accessed February 14, 2022. <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/148-priznanie-normativnyh-aktov-nedejstvuyuwimi-vsledstvie-neopredelennosti-ih-polozhenij.html>. (In Russian)
- Belov, Sergei A., Kristina V. Tarasova. 2019. "Intelligibility of legal documents: Legal fiction or presumption?" *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 10 (4): 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>. (In Russian)
- Belianskaia, Olga V. 2018. "Language and style of normative acts as an element of legal technic". *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* 2 (7): 23–34. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34>. (In Russian)
- Belokon', Natalia V. 2012. "Legal-linguistic uncertainty: The content of the notion". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* 1: 46–54. (In Russian)
- Blinova, Olga V., Sergei A. Belov. 2020. "Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 11 (4): 774–812. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401>. (In Russian)
- Bomhoff, Jacco. 2006. "Humpty Dumpty and the law". *Comparative Law Blog*. Accessed February 10, 2022. <http://comparativelawblog.blogspot.com/2006/12/humpty-dumpty-and-law.html>.
- Cherdantsev, Aleksander F. 2003. *Interpretation of a law and contract*. Moscow, Iuniti-Dana Publ. (In Russian)
- Dolzhirov, Aleksei V. 2009. "Principle of certainty as a factor of preventing of corruption legal norms". *Altaiiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby* 3: 56–58. (In Russian)
- Eco, Umberto. 2016. *The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts*. Transl. by Sergei Serebrianyi. Moscow, AST Publ., Corpus Publ. (In Russian)
- Flückiger, Alexandre. 2007. "Le principe de clarté de la loi ou l'ambiguïté d'un idéal". *Cahiers Du Conseil Constitutionnel No. 21. Dossier: La Normativité*. Accessed February 14, 2022. <https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-principe-de-clarte-de-la-loi-ou-l-ambiguite-d-un-ideal>.
- Gadamer, Hans-Georg 1988. *Truth and method: Foundations of philosophical hermeneutic*. Rus. ed. Moscow, Progress Publ. (In Russian)

- Grabe, William, Robert B. Kaplan. 1996. *Theory and practice of writing*. London, Longman.
- Green, Georgia M. 1989. *Pragmatics and natural language understanding*. New Jersey, Lawrence Erlbaum.
- Griazin, Igor N. 1983. *Text of law. An experience of methodologic analysis of competing theories*. Tallin, Eesti raamat Publ. (In Russian)
- Grice, Gerbert P. 1985. "Logic and conversation". *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Lingvisticheskaia pragmatika XVI*: 217–237. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Hart, Herbert L. A. 2007. *Poniatie prava*. Rus. ed. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Hoecke, Mark van. 2012. *Law as communication*. Rus. ed. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ., Universitetskii izdatel'skii konsortsium Publ. (In Russian)
- Iartseva, Viktoria N., ed. 1990. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Kirsanova, Inna V. 2007. "Ambiguity of semantic of text as realization of individual strategies of understanding". PhD diss., Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Mamaev, Nikolai Iu. 2020. "The problem of objectivization of understanding of controversial text in the framework of judicial expertise". *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy* 15 (4): 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>. (In Russian)
- Novikov, Anatolii I. 2003. "Text and contra-text: Two sides of process of understanding". *Voprosy psikholingvistiki* 1: 64–76. (In Russian)
- Novikov, Anatolii I. 2007. *Text and its semantic dominants*. Moscow, Institut Iazykoznaniiia RAN Publ. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2001. *General theory of law*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Presniakov, Mikhail V. 2014. "Legal certainty: Formal and substantive aspects". *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo* 14 (4): 669–670. (In Russian)
- Rodionova, Olga N. 2015. "Legal-linguistic uncertainty of legal-linguistic uncertainty". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 4 (103): 151–154. (In Russian)
- Rukavishnikova (Plashevskaja), Anastasiia A. 2014. "Genesis of category 'legal certainty' in contemporary legal science". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 3 (13): 78–79. (In Russian)
- Rybakov, Oleg Iu., Olga S. Rybakova. 2020. "Language paradigms of overcoming of uncertainty of legal norms". *Voprosy prava gosudarstvennogo iazyka i iazyka prava*. Ed. by Ol'ga N. Kiianova, 50–56. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ. (In Russian)
- Shepelev, Artur N. 2012. "To whom written formulations of a law are intended?" *Izvestiia vuzov. Pravovedenie* 3: 74–81. (In Russian)
- Syrykh, Vladimir M., Valerii N. Vlasenko, eds. 2018. *Certainty and uncertainty of law as coupled notions: Problems of theory and practice: The materials of XII International research and practice conference*. In 3 parts. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiia Publ. (In Russian)
- Vashchenko, Iurii S. 2012. "Hermeneutic tradition in law and understanding of legal text". *Gosudarstvo i pravo* 1: 5–13. (In Russian)
- Vorob'ev, Sergei M., Nikolai I. Polishchuk. 2019. "Theoretic legal analysis of meta-legal principle of legal certainty". *Teoriia gosudarstva i prava* 2 (14): 83–89. (In Russian)
- Zhinkin, Nikolai I. 1982. *Speech as conductor of information*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)

Received: September 20, 2021

Accepted: March 15, 2022

Author's information:

Sergei A. Belov — PhD in Law, Associate Professor; s.a.belov@spbu.ru